

Лео де Витт

ЧЕМОДАНЧИКИ

Роман-сериал

Эпизод первый

Искусство быть неудачником

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лео де Витт

Искусство быть неудачником

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70599745

SelfPub; 2024

Аннотация

Роман-сериал "Чемоданчики". Сезон первый "Время возвращаться" Писатель Давид Витт возвращается в родной город работать над новым романом, но постепенно город затягивает его в прошлое, которое он пытался забыть. Эпизод первый. Искусство быть неудачником Давид возвращается в родной город, пытается наладить отношения с братом, и уберечь его от ошибок юности.

Содержание

Последний день последнего лета	4
Сезон первый. Время возвращаться	7
Эпизод первый. Искусство быть неудачником	8
Эпилог	47

Лео де Витт

Искусство быть неудачником

Последний день последнего лета

Вот и заканчивается их последнее лето.

Давид понимает это, но что толку?; вот, идёт он сейчас по Шахтинску возле строящегося сельско-хозяйственного техникума, куда уже в следующем году будет съезжаться молодёжь с ближайших деревень, чтобы учиться, а затем вернуться в родное село, завести семью, устроиться на высокооплачиваемую работу и трудиться на благо малой родины; шутка!: все прекрасно понимают, что деревенская молодёжь едет сюда, потому что не хочет оставаться в родной глуши, где пять домов на всю деревню – ни работы, ни новых знакомств, ни возможностей; хах, возможности!: каждый молодой, уважающий себя человек считает, что там, где он родился, нет возможностей; деревенская молодёжь не видит в своём маленьком посёлке возможностей и едет сюда, в город Шахтинск; в свою очередь, жители Шахтинска не видят в шахтёрском городке возможностей и едут в областной центр, в Павлодар; в свою очередь, жители Павлодара не видят в

своей столице маленькой области никаких возможностей и едут в столицу, в Астану, или в Россию, в Сибирь – благо граница недалеко (благо для них): едут в Омск, в Новосибирск, в Барнаул, в Томск, в Кемерово; ну, а сибиряки, в свою очередь, считают свой таёжный край дырой и не видят тут никаких возможностей; да что там сибиряки!: однажды девочка из города Казани, прям как в известной поэме, сказала Давиду, что даже в Третьей Столице молодые люди не видят возможностей и по возможности едут в Санкт-Петербург или в Москву; интересно, а москвичи и петербуржцы видят в двух столицах какие-нибудь возможности или улетают за границу?; интересно, а немцы, французы, итальянцы видят у себя: в Германии, во Франции, в Италии – возможности или валят в Штаты?; интересно, а американцы видят в своей державе возможности или бегут к немцам, французам, итальянцам?; вообще на этой планете есть город, в котором молодёжь видит возможности???: в свою очередь, Давид считает, что в его городе нет возможностей.

А что вообще такое возможности? Вот, бегут молодые ребята: Давид, Илья, Лёва, Герман, Рафаэль – бегут, кроссовки шлёпают о мокрый асфальт; бегут, сами не знают куда: то ли за мечтами, то ли от собственных отражений в лужах. Давид мечтает снимать кино, Герман – стать известным футболистом, Илья хочет денег, Лёва желает посвятить жизнь науке, а Рафаэль сам не знает, чего хочет. И каждый мечтает уехать из Шахтинска, выбиться в люди, найти возможности.

Но ведь прежде, чем искать возможности, нужно найти самого себя. А почему они уверены, что нашли себя?

Давид перегнал остальных. Добежал до перекрёстка и остановился под светофором. Красный свет вырисовывал контуры его силуэта. Он смотрел вдаль, на бегущие фигуры. «Вот, сумасшедшие! Куда вы бежите на красный?» – подумал он и захохотал. В душе же он плакал. Последнее лето. Завтра они пойдут в выпускной класс, а через год расстанутся, поступят в университеты и разъедутся по городам. И возможно уже никогда не встретятся. Они так ждут это часа: когда настанет взрослая жизнь, когда начнут сбываться мечты. Но сложно попрощаться с тем, что сопровождало тебя на протяжении всей жизни: школа, друзья, семья, дом. И даже Шахтинск. Ребята настигли Давида. Кто-то крикнул: «Осталась минута!» Друзья встали в круг и обняли друг друга за плечи. Рафаэль вытянул руку с часами вперёд. Секундная стрелка стремительно бежала к двенадцати. Всего несколько мгновений и наступит новый день. Все закричали:

Пять!

Четыре!

Три!

Два!

Один!

Наступило первое сентября. Друзья прыгали, кричали, обнимались; вода из луж всплёскивалась у них под ногами.

Вот и закончилось их последнее лето.

Сезон первый. Время возвращаться

Каждое покоящееся тело стремится вследствие инерции прибывать в покое вечно, а когда оно двигалось, то имеет стремление двигаться по прямой линии и равномерно. Всякая причина, способная изменить покой или движение, то есть заставить тело выйти из покоя, или вместо, прямолинейного и равномерного движения принять какое-нибудь другое, называется силою.

К.Д. Краевич, "Учебник физики"

За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.

М.Ю. Лермонтов

В природе противоположные причины часто производят одинаковые действия: лошадь равно падает на ноги от застоя и от лишней езды.

М.Ю. Лермонтов

Эпизод первый. Искусство быть неудачником

Я люблю поезда. Трамваи. Метро. Паровозы. Стук колёс о рельсы. Лёгкое покачивание вагона. Прогулки зевак в коридорах. И знойную духоту купе. Поезда, вообще, представляют собой концепцию идеальной человеческой жизни – движение по заранее проложенной полосе, знание следующего поворота и спокойствие за завтрашний день. Я же не таков. Так вышло, что, по воле судьбы, я стал писателем, представителем самой бесполезной профессии в мире, а потому больше не имею права на тихую размеренную жизнь: мой жизненный опыт равняется качеству написанных мною книг, и мне часто приходится вляпываться в разного рода авантюры, чтобы банально было о чём писать, и тем самым поддерживать количество хлеба с сахаром на моём столе. Придирчивый читатель явно поморщится и задаст вопрос: а почему я, собственно, не полетел на самолёте? Ответ будет прост. На самолёт у меня не хватило денег.

Но мы подъезжаем к пункту назначения. Я кладу стопку бумаги на дно чёрного чемоданчика и ставлю на них печатную машинку. Оставшийся путь погляжу в окно. В бескрайней казахстанской степи, расплывшейся океаном, с высокими холмами, возвышающимися подобно морским вол-

нам, раскинулся маленький городок. Жёлтые огоньки, гуляющие в тумане, возвещают, что дикая степь здесь заканчивается и начинается жизнь. Шахтинск. Город, где я родился. Большинство людей знает его как провинциальный шахтёрский городок: молодёжь называет его величайшей дырой, из которой им когда-то предстоит выбраться; работяги, стуча себя в грудь, кричат, что это будущая энергетическая столица; для меня же Шахтинск – город, где самая прекрасная осень – а разве осень в провинции может быть иной?

Каждая из этих оценок справедлива. Шахтинск уже давно стал энергетическим центром страны. Многочисленные электростанции, выросшие вокруг города, как грибы, снабжают энергией всю область и больше. Уголь, что здесь добывают, не высокого качества, но его много, и он дешёв; и его покупают. Молодёжь страдает здесь страшной скукой, и, чтобы как-то с ней справиться, бродит по улицам днём и ночью; и даже русский народ, любящий стабильность и осёдлый образ жизни, обратился в казахских кочевников. И в этой всенародной праздности город живёт: улицы его заполнены людскими потоками – гуляя по окрестностям, стоит смотреть по сторонам, если не хотите, чтобы Вас сбила группа бегунов или велосипедистов. Их же родители, напротив, всегда заняты: плотный рабочий график и домашние дела напрочь искоренили пьянство. Но, как известно, наши недостатки – прямое продолжение наших достоинств. Рыночная экономика построила город по заветам великих анти-

утопий. Центральный район, утопающий в неоновых вывесках, собирает в себе всех бездельников города; они ежедневно, ежечасно, ежеминутно тратят родительские деньги, набивают ими карманы людей благородных кровей, обосновавшихся в высоких поместьях на краю города, где степные ветра отгоняют от их жилищ испарения разрезов, шахт, электростанций. Растратив родительские деньги, подростки возвращаются в родные дома, старые советские постройки, давно провалившие все проверки и получившие статус аварийных домов. Летом сюда заползают насекомые и прочие гады, а зимой холод и ветра пробирают жителей до костей; те же обставляют квартиры нагревателями, заставляющими электростанции работать на полную катушку. Ежедневно домохозяйки протирают подоконники и, помимо пыли, обнаруживают на мокрых тряпках чёрную угольную сажу, осевшую на поверхности, а до этого, летавшую в воздухе – в воздухе, которым дышат местные жители. Отсюда, Шахтинск занимает одно из ведущих мест в стране по заболеваемости раком лёгких. Новый онкологический центр, построенный в ближайшем посёлке, считается лучшим в стране, из-за чего сюда слетаются богачи со всех уголков постсоветского пространства, не оставляя свободных коек для местных жителей. Скука, одолевшая молодёжь, заставляет их искать счастье в сомнительных заведениях и в дешёвых наркотиках. Здесь лучше не ходить одному по ночам: рискуете нарваться на нож; а после Ваш убийца будет каяться в суде и заверять, что не

понимал, что делал; и самое страшное, что он действительно раскаивается, и он действительно не понимал, что делал. Конечно, читатель, умудрённый жизненным опытом, заметит, что подобное творится в любом провинциальном городе. И будет прав. Но Шахтинск – город небольшой. А потому все процессы в этом террариуме протекают быстрее и нагляднее.

Ну, здравствуй, Шахтинск! Любимый город!

Поезд остановился. Я вздрогнул. Возвращение к Шахтинску, к моему старому другу, представляется мне очень волнительным. Я взял кейс с печатной машинкой и большой советский чемодан, с которым уезжал когда-то. По перрону плывёт лёгкий туман, в нём бегают тёмные фигуры: обнимаются, плачут, радуются. Меня же никто не встречает: я не сообщил о своём приезде.

У вокзала нас встречает стая таксистов. Стоит пассажирам только выйти, как они набрасываются на них, и без каких-либо вопросов хватают чемоданы, нагружают ими багажники, а пассажиры, словно загипнотизированные, садятся к ним в машины и диктуют адреса, не спрашивая сколько будет стоить поездка, и совершают тем самым большую глупость.

Моё внимание привлёк полный мужчина с густой щетиной у чёрной чайки. Он не бегал за мной, не выхватывал из рук чемодан, потому я сразу доверился ему. Его зовут Абдул. Он чеченец с Тихого Двора (так называется район на краю города).

– Езжайте через улицу Ленина. – попросил я, когда мы выехали из территории вокзала. – Хочу посмотреть, как изменился город.

Абдул усмехнулся.

– Не думай, брат, что увидишь там что-то новое.

Я понимал, что вряд ли центральная улица обросла новыми постройками; я хотел знать, сохранил ли город прежний дух. Но Абдулу я не стал этого говорить: боялся, что он неправильно меня поймёт.

– На вахту приехал, брат?

Я дружелюбно улыбнулся ему.

– Нет, я не рабочий, я писатель.

Мой собеседник никак не отреагировал на своеобразность моей профессии.

– Разве сейчас кто-то читает?

Я не стал объяснять ему специфику книжного бизнеса: чем нам, писателям, приходится заниматься, помимо написания книг, чтобы как-то прожить – боялся, что ему это будет неинтересно, а я по долгу службу привык заинтересовывать. Потому, ответил просто:

– Читают.

Он снова никак не отреагировал на мои слова.

– А вот дети у меня не читают, все – в телефонах. Я говорю им: «Хоть бы раз взяли в руки Коран.» Коран-то обязательно каждый мусульманин в жизни должен прочесть.

– Я – атеист. – сказал я и тут же поругал себя, но слова

Абдула меня удивили.

– Хороший человек значит.

Я не сдержал смеха. Шофёр воспринял его, как вопрос, требующий пояснений.

– Среди атеистов больше хороших людей, чем среди верующих. Вы постоянно грешите и за грехи свои отвечаете лишь перед самими собой. Верующие же грешат не меньше, только сразу бегут в мечеть замаливать грехи, лицемерят перед Всевышним. Совершая же доброе деяние, вы, не верующие в Царство Небесное, делает это просто так, от чистого сердца. Наши же относятся к добродетели, как к сберегательной кассе, в надежде выбить себе билет в Рай.

– Христианский атеизм. – заключил я после долгого молчания. – «Послание к Римлянам», «Новый Завет».

– И хорошо получают писатели? – спрашивает Абдул.

– На хлеб с сахаром хватает.

– А дети есть?

Я покачал головой.

– Вот, потому и хватает, что детей нет. – с улыбкой заметил он.

Про себя я согласился с ним. Вряд ли моих гонораров хватит, чтобы обеспечить хотя бы одного ребёнка.

– У меня четверо. – добавил Абдул.

Я удивился.

– Да! Всех накорми, напои. На себя ничего не остаётся. Но я не жалею. Старший вон в техникум поступает. И здесь

надо деньги платить. А где ж их взять?

Я разглядывал его одежду. Выстиранное, выглаженное трико. Добротная кожаная куртка. Большой живот. Он не выглядел человеком бедным.

Тут Абдул сообщил, что началась улица Ленина, и я уткнулся в окно. Он был прав: город не изменился. Старые пятиэтажки с выцветшими на солнце стенами. Густая шевелюра маленького сквера. Парк Победы. Два торговых центра, нуждающихся в ремонте. И неровная дорога, накрытая жёлтым светом фонарей. Эх, дом, милый дом!

На перекрёстке мы повернули на улицу Маркса и поехали в сторону парка имени Ленина (забавно, на улице Маркса парк имени Ленина). За ним начинался Шанхай, район, где я вырос.

– Вы не похожи на бедствующего человека. – решил заметить я.

На моё замечание он отреагировал спокойно.

– Я не всегда таксовал. Было время, я держал кафе на Старом базаре.

Я припомнил там некое кафе.

– Не «Халва» ли случайно?

– Оно самое. – ответил водитель.

В голове всплыли воспоминания. На душе стало так тепло.

– В детстве мы с семьёй часто заходили к вам. У вас была самая вкусная кухня в городе. Это не моё дело, конеч-

но, но что случилось?

Абдул поджал губы, и я решил, что он не ответит. Но после долгой паузы он заговорил.

– Мать заболела. Лечение стоило немалых денег. Меня предупреждали, что ничего не поможет, но я продолжал возить её по клиникам. Мать умерла, а вместе с ней и семейный бизнес. Сейчас мне пятьдесят четыре, а мы с женой и детьми ютимся в трёхкомнатной квартире. Последние сбережения от продажи помещения уйдут старшему на образование.

На перекрёстке нам загорелся красный. Абдул остановил машину и положил голову на руль.

– Отец всегда велел мне не быть неудачником. – прошептал он.

Мы проехали мимо больничного комплекса и въехали в мой переулок. Машина остановилась у дома. Я расплатился с ним и прежде, чем выйти из машины, сказал:

– Вы зря караете себя, Абдул. Вы пытались спасти мать, а сейчас делаете всё, чтобы прокормить семью. Разве вас можно назвать неудачником?

Он ничего не ответил. Молча протянул мне визитку. Я вышел из салона, взял чемоданы, и он уехал. Фары чайки исчезли в тумане.

Я повернулся к воротам дома и сказал:

– Ну, здравствуй, дом родной!

Я позвонил в звонок. На балкон второго этажа вышел дед, Анатолий Александрович Витт. Он завязывал пояс на халате

и что-то недовольно бурчал, взглядывался в темноту и что-то в неё говорил, я же смеялся, а он злился и посыпал меня ругательствами, пока я не встал под фонарём, и он увидел любимого внука. По крайней мере, я надеюсь, что любимого! По переулку прокатились радостные возгласы. Он забежал в дом, и я отчётливо услышал кошачий крик; кажется, в приступе радости он налетел на кошку. Тут же в спальне загорелся свет, потом в гостиной. Я различил силуэт бабушки в окне и искренне расхохотался, когда понял, что она держит путь на кухню. На третьем этаже тоже включили свет. Понеслись крики родителей. На балкон третьего этажа вышел мой брат, Максим. Я услышал цокот когтей о бетонную поверхность двора. Проснулась собака. Она запрыгнула на вышку на лестнице, ведущей в дом, и, заметив чужого (хотя какой же я чужой?), бросилась на ворота и попыталась сделать подкоп, но когти не справлялись с бетоном. Дверь на втором этаже распахнулась, вниз по лестнице сбегал дед. Он отворил ворота и бросился мне в объятия. Собака кружилась вокруг нас, как умалишённая. Я отпрянул от дедовских объятий и протянул ей руку, но вовремя убрал, прежде чем пасть её захлопнулась, а зубы щёлкнули. Дед отогнал её в будку. Не признала чертовка! Я похватал чемоданы и вбежал в дом.

Будто в старой французской комедии, вся семья, облачённая в пижамы, домашние халаты и сорочки, собралась встречать милого родственника. Дед принялся всех разгонять и

давать указания, особенно бабушке, Вере Зиновьевне.

– Зиновьевна, что стоишь? На стол накрывай!

– Да накрыто уже всё! Отпусти его, дай отдохнуть с дороги!

– А почему не позвонил? – кричала мать.

– Сына, привет! – дружелюбно сказал отец и помахал рукой в последнем ряду.

– Брат приехал! – язвил Максим.

– Позвоните Генриху! – кричала бабушка.

– Оставь дурака в покое! – не унимался дед.

Я не спешил распаковываться, а в общей суматохе прошёлся по дому проверить, не изменилось ли чего. Всё осталось, как прежде. И просторные спальни, и уютная гостиная, и богато-обставленная кухня, и не менее богатые погребки первого этажа, и моя маленькая комнатка, заваленная книгами. Только, вот, обои в коридоре изменились. Дед обнял меня за плечо и жестом представил косметический ремонт.

– Бабушка обои выбирала. – говорит мне. – Интересно так, да? Как в этом... Как хрен пойми где!

Но это всё была прелюдия перед большим застольем, какое они устроили на ночь глядя. Я ел, как вне себя. Я так соскучился по домашней еде, а тут на столе были: и долма, и курица, и свежий салат. Что действительно умела Вера Зиновьевна, так это плевать на мою привычку не есть на ночь. Из всей этой безумной компашки, где каждый пытался узнать у меня любую мелочь моей жизни, в тот момент я симпатизи-

ровал только отцу, Дмитрию Сергеевичу, который смотрел на телефоне какое-то аниме, временами поглядывал на меня с улыбкой, а, главное, не обременял лишними вопросами!

После застолья я принял душ и лёг в постель. Ах, какое блаженство – спать в родной постели! Смотреть на звёзды в окне. Вдыхать запах свежестыранного белья. Вспоминать, как когда-то лежал на этой кровати с симпатичной одноклассницей и пытался просунуть руку ей под майку, за что тут же получал по рукам. Сколько книг здесь было прочитано! Сколько судеб решено в страстных юношеских переписках! Сколько разврата здесь сбылось и сколько сексуальных фантазий так и не свершилось! По сравнению с другими спальнями, в моей комнате всегда было душно, но меня никогда это не напрягало; недостаток кислорода отключал мозг, не давал назойливым мыслям тревожить мой сон. Я надел наушники и включил плейлист с Цоем. Где-то между строчками «спокойного сна» и «спокойная ночь» сознание покинуло меня, и я уснул.

Я никогда не устою от поездок, потому на следующее утро проснулся рано и чувствовал себя замечательно. Бабушка на кухне уже жарила гренки, но я подогрел долму (уж больно понравилась мне вчера). Её же выбрал и подошедший дед. Родители были уже на работе. Мы сидели за столом втроём. Бабушка всё расспрашивала, как мне живётся на чужбине. Дед смотрел криминальный сериал. Там двое бандитов положили оперативника в гроб и заколотили крышку.

– Батюшки! – воскликнула Вера Зиновьевна. – Они, что, его живьём захоронить хотят?!

– Да, неприятная ситуация. – согласился дед.

На кухню зашёл Максим, одетый в костюм с галстуком-бабочкой. Я и забыл, что сегодня первое сентября. Максим переходит в выпускной класс. Я вспоминаю свои похождения в одиннадцатом классе. Максиму везёт. В его жизни наступает самое тяжёлое и одновременно самое счастливое время.

Мысли о брате наводили на меня тоску: я чувствовал себя виноватым, что не уделял ему должного внимания в детстве, и сейчас боялся, что мои потуги наладить с ним общение покажутся ему неестественными, боялся, он решит, что я проявляю братскую любовь лишь, чтобы оправдаться перед собственной совестью; хотя в этом была доля истины.

Я спросил, могу ли я сопроводить его на школьной линейке? Максим не то что удивился, а опешил. Я вглядывался в его лицо и пытался понять: какие чувства он испытывает, рад ли он? Максим дал добро. По кривой улыбке я понял, что его это как минимум забавляет. Брат сел за стол, а я напряжённо вспоминал, как прошло первое сентября в выпускном классе у меня. Там было, что вспомнить.

В тот день я сильно нервничал. Меня пугала встреча с одноклассниками. Дело не в том, что я подвергался травле и видел непонимание общества, хотя и этому было место. Наверное, первопричина неприятия меня одноклассниками была в этом:

– Эй, Лиза! Отметим День знаний у меня в спальне? – сказал я, когда мы вышли в сквер после классного часа.

Лиза показала мне средний палец.

– Ты как-то засветил в инсте свою кровать. – заметила Диана. – У тебя милое бельё.

Я улыбнулся.

– Знаешь, почему у меня постельное бельё со звёздами? Потому, что ночь со мной, как полёт в космос.

Все вокруг загоготали. Кто-то хлопнул меня по плечу.

– Хорош пиздеть, Витт! – это был Саня Уфимцев, мой добрый друг. Высокий, обаятельный спортик, как мы тогда таких называли. Для столь юного возраста у него была густая щетина, которая сильно прибавляла ему в брутальности. Я завидовал ему, но, клянусь, завистью доброй. Сейчас он в армии; и я ему совсем не завидую. – Потопали уже домой. – говорит он.

– Ты мешаешь мне кадрить тёлок. – возмутился я.

– Тогда мы здесь надолго, потому что никто не посмотрит на твою смазливую рожу.

– Прекрасную рожу!

Снова смех.

Мы с Саней всё-таки двинулись в путь.

– Чем занимался на каникулах? – спросил он по дороге.

– Смотрел кино. Писал сценарий.

– Короче, всякой хуйнёй! – подытожил он.

Я промолчал.

– Ну, так написал сценарий?

– Нет!

Мы оба засмеялись.

Из всего моего окружения Фима был моим самым строгим критиком. Его никогда ничего во мне не устраивало: чем я занимаюсь, как я выгляжу. Он говорил, что делает это любя, и я ему верил. Его язвительные фразочки оскорбляли меня, но со временем обнаруживал, что после них я работаю усерднее. Наверное, Фиму можно назвать моим волшебным пенделем.

В ответ я спросил, чем занимался он? Всё лето Фима проработал в конторе, занимающейся установкой пластиковых окон. Тут я действительно оскорбился. Его вины в этом не было, он поступил правильно. Но я злился, что, пока я брожу в темноте, кто-то занимается реальным делом, приносящим результат. Тем более в виде денег. Фима был взрослым, я – нет. Он ставил цели, я – безоблачные мечты. Возможно мне надо было проводить с ним больше времени вне школы: вслушиваться в каждое его слово, повторять каждое его действие. Тогда, может быть, я стоял бы с ним на одной ступени.

– До самого Нового года я могу жить на широкую ногу. – он не хвастался, а скорее констатировал факт.

– Круто! – холодно ответил я, хотя был рад за него.

Мы прошли перекрёсток возле больничного комплекса. Только пошли в другую сторону, пропустив мой дом. Фима жил чуть дальше, и я всегда провожал его. Здесь начинал-

ся настоящий Шанхай, деревня, какую и пригородом трудно назвать. Здесь утром можно было встретить стадо баранов (и я – не про людей). На дороге валялись коровьи лепёшки. Большинство домов не были подсоединены к центральной канализации. Но как ярко посреди этого хаоса выделялась природа! Вдоль дороги склонились берёзки, будто поклонялись прохожим. За низкими заборами цвели яблони; их плоды блестели на солнце, отливали золотистым цветом, и манили собой путников. Листва ещё не начала желтеть, но некоторые веточки сбросили сухие листья, и они хрустели под ногами, как снег. Но даже тут, посреди крохотных домишек, вырастали многоквартирные дома (люди спешили заселить дешёвую землю).

– Можешь поговорить на работе по поводу меня? – спросил я Фиму.

Его это удивило. Больше всего я боялся, что он по-отечески хлопнет меня по плечу, как делал это обычно, и скажет что-то наподобие: «Наконец-то, ты вырос, сынок.» Но чего скрывать?! Мне было бы приятно, если бы он так сделал.

– Хочешь к нам? Ну... В принципе, можно.

Я кивнул ему в знак благодарности.

– Сегодня я как раз пойду туда после обеда. Вечером могу поговорить с Маратом, начальником нашим. Я позвоню. Только надо будет подойти. Просто хера с улицы он не возьмёт. Он должен тебя увидеть.

– Вообще, без бэ.

– Значит замётано.

Я был счастлив, когда представлял, что начну зарабатывать самостоятельно и, наконец, смогу свободно распоряжаться большими деньгами.

Голос деда отвлёк меня от воспоминаний.

– Что-то я потолстел. – пожаловался он и похлопал себя по животу. – Это всё из-за твоей долмы.

Бабушка невозмутимо посмотрела на него.

– Хорошо. Больше не буду готовить.

Дед рассмеялся.

– Подожди-подожди! Я же не против, чтобы я толстел.

– Зато я против.

Я присосался к кружке с кофе, чтобы скрыть улыбку.

После завтрака мы с Максимом двинулись в путь. Школа находится в двадцати минутах ходьбы от дома, мы пошли пешком. И сейчас я мог созерцать проснувшийся город. Улицы заполнились людьми, на дорогах было плотное движение: люди спешили на работу. У города был свой чёткий график: я могу с лёгкостью предугадать, что к десяти часам он опустеет, в полдень снова наполнится людскими массами, и уже до вечера будет кишеть школьниками, студентами и бездельниками; но не сегодня. Сегодня первое сентября, и привычный распорядок города изменится. Я попробовал завести с Максимом разговор; к моему удивлению, это было не так сложно, как казалось: в детстве мы не сильно ладили (он не воспринимал меня всерьёз как старшего брата, а меня это

раздражало), но видимо сейчас спустя два года разлуки он понял, что несмотря на родительскую любовь, никто не поймёт его так, как брат, хотя бы потому, что мы принадлежим к одному поколению – в его репликах не было той жгучей язвительности и недоверия, как раньше, он говорил дружелюбно, и мне даже показалось, что ему нравится говорить со мной о себе; возможно, кроме меня, ему не с кем поговорить о себе. Речь его была спокойной, но чувствовалось, что он старался не показывать своей заинтересованности в разговоре; я бы сравнил его с вечерним Шахтинском, никуда неспешащим и романтичным. А ведь Максим действительно натура романтическая. Из разговора я узнал, что он хочет стать актёром (и я пожалел его за его выбор), а ещё, что он крайне одинок: конечно, он этого не говорил, но из его рассказов я мог выделить лишь одного героя, его самого; в этих историях не фигурировали друзья, одноклассники, и я понял, что в его жизни никому нет места, кроме его самого. Мысленно я поставил галочку, что мы ещё вернёмся к этому разговору. Потому, что, если я не изменю его мышление сейчас, потом уже будет слишком поздно.

На линейке я держался в тени, точнее в толпе. Максим учится в той же школе, что и я когда-то, и мне не хотелось встретиться с моими бывшими учителями: не потому, что я держал на них некую обиду или же мне было совестно перед ними, просто сегодня я не был готов к этой встрече. Также я обратил внимание, что, к счастью, Максим в тёплых отно-

шениях с одноклассниками, и он не столкнётся с теми проблемами, с какими столкнулся я. После линейки он подошёл ко мне и предложил пойти домой, я же посоветовал ему погулять с одноклассниками, а уже вечером встретиться в парке на футбольных трибунах; он вернулся к ним с неохотой, но компания подростков приняла его приветливо, и меня это порадовало.

Я двинулся в Центральный район: мне было интересно, как живёт город, и я с жадностью наблюдал за его улочками и людьми, которые на них живут. Как я и думал, город изменил свой график: родители ломанулись в книжные магазины закупаться учебниками, какие им не выдали в школах. Они стоят с тяжёлыми пакетами на остановках и жалуются друг другу, что государству плевать на их детей, что чиновники воруют и им нет никакого дела до людей. Они жалуются, что в тяжёлый момент жизни им никто не подаст руки, но сами никогда не протягивали руку ближнему своему. Какие-то две женщины на остановке разговаривали, и одна в чувствах бросила, что школа – это клоунада, и что дети их брошены на произвол судьбы. Милочка, наших детей бросили на произвол судьбы ещё в девяносто первом, просто тревогу вы забили только сейчас.

Я пришёл к улочкам Дзержинского района, и в голове закрутилась метель воспоминаний. Я вспомнил как гулял здесь после линейки.

Я не был близок с одноклассниками, в доверие мне смог

войти только Фима (кстати, он сдержал обещание, позвонил и сказал, что вечером они с начальником ждут меня), но оди-ночкой я не был; я тусил с ребятами из другой школы, а от того на прогулки они часто приводили людей со школы, ко-торых я никогда не видел, и тем самым круг моих знакомых постоянно расширялся. Тот день не стал исключением и на встречу в парк Ленина кенты мои привели левого пацанёнка. У памятника Ленина меня ждала группа из ребят, чьи ко-стюмы говорили, что они учатся в престижной школе, а лица же рассказывали, что они оказались там случайно. Герман, шустрый паренёк со светлыми волосами, был футболистом и никогда не расставался со своими красными бутсами; в лю-бое время в любом месте он мог найти мяч и возможность поиграть. Он был немцем и носил своеобразную фамилию Фраер. В одних кругах она приносила ему авторитет, в дру-гих же создавала серьёзные проблемы (попробуй доказать, что это настоящая фамилия, и ты не позволяешь себе мно-гого, называя себя так). С ним часто таскался Русик, Руслан: хороший пацан, ничего не скажешь, но и самый обычный, потому о нём не только плохого, но и вообще ничего не ска-жешь. С ними же был и Рафаэль. Раф. Рафи. Рафу я был го-тов доверить свою жизнь. Невысокий черноволосый парень своими уличными повадками губил собственное природное обаяние. Он мог иметь большой успех и у девчонок, и у па-цанов, если бы мог себя правильно подавать, но девчонки видели в нём уличного пацана, с которым и общаться было

несерьёзно, также на него смотрели и пацаны, и хоть он был частым гостем на вечеринках, он не входил в доверие людей: с ним не пытались строить бизнес, его не звали на решение проблем, хотя, думаю, Раф был единственным человеком, способным решить все проблемы. Он же и представил мне Лёву, худого, забитого мальчишку, боявшегося смотреть людям в глаза.

– Походу это моё призвание – подбирать лохов и делать из них людей. – с кривой улыбкой сказал Раф. Он даже не попытался говорить тише, и я боялся, что Лёва мог услышать. Но потом я посмотрел на его вечно-грустные собачьи глаза и понял, что ему похоже всё равно, как его называют.

– А кого ты ещё подбирал? – с подозрением спросил я.

– Тебя. – сказал он и сразу же загоготал.

Я прописал ему в плечо. Он сел на корты и указал на себя руками.

– Ну как костюмчик?

– Ты прям ёбанный гангстер. – сказал я.

– Естественно бля! – букву «т» он проглотил.

– Пойдёмте уже хавать. – вмешался Герман, не дав Рафу ещё возможности уделить внимания собственной персоне.

Мы спорили о том, какое заведение выбрать и сошлись на закусочной «План Бэ». Она пряталась на четвёртом этаже маленького здания, зажатого огромными торговыми центрами, и из его панорамных окон открывался прекрасный вид на пересечение пешеходных дорожек центральной улицы и

заведений с яркими неоновыми вывесками. И пусть сейчас днём они не горели, но вид оставался потрясным.

Мы заказали еду и сели за столик у окна. Раф указал руками на пейзаж.

– Вы только посмотрите, какой прекрасный вид! – а затем указал на меня. – Какой прекрасный Витт!

Мы посмеялись.

– Ну рассказывай что-нибудь, Дав. – пристал он ко мне.

– Я тебе радио что ли постоянно пиздеть? Почему я должен вечно что-то говорить, если молчание – золото?

– Ебать! – Раф изобразил экстаз на лице. – Это войдёт в мой золотой фонд цитат.

– Лев, расскажи о себе. – попросил я.

– Ты гляди, – зацепился Раф. – Лев! Король зверей бля.

– Что рассказать? – спросил Лёва.

– Ну чем живёшь?

– Да нечего ему о себе рассказать. – снова вставился Раф.

– Да завались блять! – крикнул я.

Герман с Русиком заржали.

– Лёвчик, расскажи, как в прошлом году уебал старшаков. – подсказал ему Герман.

– Точно! – крикнул Раф и щёлкнул пальцами.

– Да похуй мне, кого он уебал. – объяснялся я.

– Нет, ты послушай! – настаивал Раф. – Лев. – сказал он, как бы дав рассказчику слово.

Лёва молчал. И всё же я не терял надежды, что он раскро-

ется мне. Мне хотелось быть человеком, внушающим доверие.

– Мне нечего о себе рассказать. – промямлил он.

Я поник; он видел во мне Германа с Рафом, которые по непонятным для меня причинам приняли его в свою компашку, но не переставали подшучивать над ним, временами очень обидно. И всё-таки Раф не позволил остаться истории не рассказанной.

– Короче, в мае играли в футбик, – начал он. – А у нас физра была совместно с одиннадцатым классом, они уже выпустились. Дава, суки были редкостные. Ну и был там один, который цеплялся ко всем, и доебался до нашего Лёвчика. И представь, как я ахуел, когда Лёва вмазал ему в рожу. А-ха-ха! И подбегает к ним ещё один бугай, и этот зверь хуярится с двумя старшаками. Да, он, конечно, получил пизды, но бля, главное не сила тела, хотя и это тоже, а сила духа. Так что, он не Лев. – подытожил Раф. – Он – тигр!

– Тигр! – грозно повторил Герман.

– Никогда бы не подумал, что он может дать кому-то отпор. – признался Раф. – А, по факту, мужиком оказался.

Нас окликнули со стойки, еда была готова. Раф пошёл за едой, а Герман с Русиком вышли покурить, мы с Лёвой остались вдвоём. Я внимательно изучал его.

– Ты считаешь себя неудачником? – спросил я.

Я не хотел его обидеть, мне просто интересна человеческая природа. На этот раз он не отвёл от меня взгляда; на-

верное, его удивило, каким мягким и добродушным тоном я это сказал. И он ответил:

– Да, считаю.

Я был уверен, что он осознает свою неполноценность, но никак не ожидал, что человек способен признаться в этом.

– Те неприятные вещи, которые тебе говорят, – продолжал я, – ты воспринимаешь их всерьёз?

Он ответил утвердительно.

– Они правы. – говорит он. – И меня это печалит.

Если многие люди, подвергавшиеся травле, спрашивают себя «Что я им сделал?», то Лёва задавался вопросом «Что со мной не так?». Мне не было жаль его и от этого становилось неприятно; если я не чувствую к нему жалости, выходит, я такой же, как те, кто с ним так обходится.

– Но в прошлом году вся школа убедилась, что ты всё-таки можешь дать отпор. – пытался я подбодрить его. – Думаю, в этом году на тебя будут смотреть с опаской.

Он тоже улыбнулся мне в ответ.

Вернулся Раф с подносом и спросил:

– Кто заказал бургер с сыром?

Я ответил, что это был я, и тут же получил оплеуху.

– Ебанулся? – крикнул я.

– Из-за твоего бургера задержали заказ. – пояснил Раф и похлопал меня по плечу.

Подошли Герман с Русиком. Мы поели, вспомнили пару весёлых историй и обсудили бытовые вопросы предстоящего

учебного года. Потом прогулялись обратно до парка Ленина и там расстались. Раф пошёл со мной.

– Ну, что, на Дзержинский? – спросил Раф, когда мы остались вдвоём.

– Пошли, старина.

Дзержинский район расположился на самом краю города, дальше шла только степь и железная дорога. Кто никогда не жил в пригороде, тот не совсем понимает специфику таких мест. Здесь нет ни торговых центров, ни рынка, ни развлекательных заведений, ни даже государственных учреждений, а потому у жителей города, которые не живут здесь, нет причин хоть раз в жизни посетить Дзержинский район. И, потому, несколько дворов, закрытых трёхэтажными сталинками, отделены от остального города и не имеют связи с внешним миром. Здесь все знают друг друга, и при виде незнакомого лица смотрят на пришельца с подозрением. По правде говоря, сюда и не следует соваться. Скажем, некий дядя Вова в пьяном угаре изнасиловал и зарезал жену. Соседи сто раз подумают прежде, чем дать показания, ведь дядя Вова с ними вырос. Зато они могут тыкнуть пальцем на одинокого бродягу, случайно забредшего в этот район, ведь, кроме вовкиной жены, у него больше нет причин бродить здесь. А с дяди Вовы соседи возьмут честное слово, что такого больше не повторится. И действительно не повторится, ведь впредь дядю Вову любая баба будет обходить стороной. Здесь все всё про всех знают, но про самих местных жителей чужак не знает

ничего. Они скрытны, они подозрительны. Они привыкли, что живут не на краю города, а на краю жизни; повисли на нём и уже не поднимутся. С вечера до утра район патрулируют полицейские машины. Местные часто идут в полицию, видят в местных структурах возможность жульничать и при этом иметь власть, и многих привязывают к родному району. Система верит, что, если местный участковый здесь родился и вырос, он всё про всех знает и будет закладывать беспризорников, однако участковый, напротив, укрывает их. Несмотря на широкое влияние полиции на здешних улицах, женщины, возвращаясь вечером с работы домой, оглядываются по сторонам, а детей после захода солнца загоняют по домам. Это был самый край города и сюда часто заходили цыгане, живущие в степи в шатрах: приходили сюда воровать, просить милостыню или же закупиться в местном розничном магазине (в центре их бы повязали за отсутствие документов). Полиция это знала и брала с кочевников плату за проход в черту города; за это местные жители ненавидели и тех, и других: уже бывали случаи, когда ребёнок выходил поздно вечером в магазин и не возвращался домой, и никто его больше не видел.

И в это чудесное, а осенью крайне романтическое место, меня повёл Раф. Он здесь родился и вырос, а я всё детство прибежал сюда играть с ним и его друзьями. Дзержинский район для нас был дверью в прошлое. Время действительно здесь останавливалось, мы чувствовали его дыхание.

Мы сели на качели и наблюдали, как дети гоняют мяч и забивают его в самодельные ворота из кирпичей и железной сетки.

– Ты писал летом? – спросил меня Раф.

– Работал над одним текстом.

Мяч прилетел к нам, Раф пнул его обратно юным спортсменам.

– Это должен был быть сценарий. Но что-то не задалось.

– Это уже не в первый раз. В чём причина?

– Тяжело развивать сюжет в нужном темпе. Тяжело уместить в него мысль. А главное, тяжело удержать на нём собственное внимание.

Раф сплюнул и похлопал меня по плечу.

– Не тоскуй, Тарантино, ещё пройдёшь по красной дорожке.

– Иди ты!

Мяч снова прилетел к нам. Раф взял его в руки и крикнул мальчишкам:

– Пацаны, мы понабиваем?

– А?! – услышали мы с поля.

– Мы понабиваем?

– Мы играем.

– Да мы чуть-чуть.

Раф стал набивать мяч навес и после пары ударов пнул его мне. Я не умел набивать и пнул ему обратно.

– Наверное, на днях сяду за пьесу, – сказал я, – для школь-

ного театра. Поговорю с Марковной, преподаёт у нас, может поставит.

– Правильно мыслишь, брат. Напиши любовные сопли, и все тёлки будут твои.

– Тёлки – это коровы. Я предпочитаю кисок.

Раф загоготал и пнул мяч мальчишкам.

Мы вышли из Дзержинского района и пошли к центру, оттуда мы собирались двинуться к парку. Я посмеивался над Рафом. Говорят, мужчину красит костюм, но если мужчина не умеет его носить, то лучше и не пытаться. Рубашка у него вылезла из штанов. Галстук скосился в сторону. Он шёл широкими шагами, сунув руки в карманы, и, если в спортивном костюме это всегда выглядело устрашающе, то сейчас нелепо. А ещё он без конца касался горла, хотел по привычке подёргать застёжку-молнию, но каждый раз не обнаруживал её.

Мы вошли в сквер торгового центра.

– Ну, что, осилил хоть одну книгу за лето? – спросил я.

Раф улыбнулся и сделал виноватое лицо.

– Столько дел, которые отвлекают. – нашёл он оправдание.

– Эх, Рафи, сколько ещё мне тебя воспитывать?!

– Ну прости, папочка, я был плохим мальчиком.

– Да иди ты!

Мы подходили к фонтану.

– На днях дочитал «Энеиду». Помнишь, я рассказывал тебе о ней? Прелестная вещь. Ты должен прочесть. Эта книга

в каком-то смысле о нас.

– Казахстан не Древний Рим, брат.

– Да не в этом дело! – я посмеялся. – Мы тоже против всех.

– Ну ладно-ладно, давай. Надо же как-то просвещаться.

– Тогда на неделе занесу.

Сзади раздался свист. От неожиданности я дёрнулся. Мы повернулись. К нам надвигались пять пацанов. Здоровых крепких бугаев.

– Здарова! – крикнул смуглый и сутулый. Он выступил вперёд, и я понял, что он у них главный. – Вы школяры что ли?

Я непроизвольно посмотрел на Рафа; парнем он был вспыльчивым, и я боялся, что он наделает глупостей, но он молчал и злобно исподлобья смотрел на переростка, как хищник смотрит на кусок мяса, и меня это пугало, его взгляд мог спровоцировать зверей.

Я ответил, что мы школьники. Переросток оценивающе осмотрел меня, как смотрит торговец на потенциальный товар, накидывая в голове, что с него можно поиметь.

– Ну, с первым сентября вас бля! – с ухмылкой сказал переросток. Двое парней обошли нас и встали сзади. – Мелочь есть?

Я положил руку в карман и нащупал мятую купюру.

– Двухсотка есть.

Лицо моё прожёл взгляд Рафа; искоса я заметил, что он смотрит на меня с ещё большей яростью, чем на беспризор-

НИКОВ.

– Ты ебанутый? – спросил Раф, и по тону было понятно, что вопрос не требует ответа, он констатировал факт.

Этим самым Раф принял на себя внимание одного худого в кепке.

– А чё те не нравится? – наехал он на Рафа, и тот пронзил его таким свирепым взглядом, что худой сжал кулаки и уже был готов вписать Рафу.

– Выворачивайте карманы. – спокойно сказал главный.

Раф оббежал их глазами. Он думал, кого первым ударить, а я думал как убежать и позвать на помощь.

Неожиданно пришло спасение – голос прохожего мужчины остановил ещё не начавшуюся потасовку.

– Эй! Вы чё до пацанов докопались?

Невысокий полный мужчина с поясной сумкой подошёл к нам и одним взглядом отогнал от нас парней на пару шагов. Я увидел в нём спасителя.

– Чё вам нужно от пацанов? – повторил он.

– А те какое дело, мужик? – наступал главный.

– Такое! Чего прикопались к пацанам, спрашиваю?!

– Мы их поздравили с праздником. – с кривой улыбкой ответил главный.

Я понял, что самое время действовать.

– Ладно, мы пойдём. – пробубнил я.

Не взял, а схватил руку Рафа и быстро зашагал прочь со сквера. Я не знал, что происходит сзади, боялся оглянуться.

Раф хмуро смотрел себе под ноги и повторял:

– Суки!

И ещё раз.

– Суки!

Мы вышли из сквера и пробежали по пешеходной дорожке между торговым центром и красной девятиэтажкой. Страх больше не было, я чувствовал, я верил, что всё закончилось, даже не начавшись. Но пришло другое чувство, более неприятное, и это чувство стыда, что нас так просто можно остановить посреди улицы и вывернуть наизнанку, скрутить в узел наше пацанское достоинство, бросить на асфальт и затоптать, отнести к нам, как к травоядным, как к жертвам, как к кускам мяса. И вот на смену стыду пришла злость, дикая злость, желание вернуться в сквер и набить наглые морды подонков. Но нужно быть осторожным с желаниями – они могут сбыться. За спиной мы услышали знакомый голос:

– Куда собрались?

У закрытого тоннеля во двор нас окружили. Бежать было некуда. Я мог прошмыгнуть между двумя оболтусами и в пару прыжков настигнуть людной улицы, но я не мог бросить Рафа. А я знал Рафа, и я знал, что он даже не думает бежать.

– Пойдёмте поговорим. – сказал главный.

Нас толкнули в сторону тоннеля. Я не знал, что нас ждёт. Я не хотел думать об этом. И я просто шёл, а рядом шёл Раф и злобно смотрел и на них, и на меня. Солнечный свет исчез, в тоннеле у меня перехватило дыхание, будто из воздуха вы-

качали кислород. Это была тяжёлая дорога, ноги подкашивались. Я боялся, что они перестанут слушаться, и я упаду. Но, вот, мы вышли из тоннеля, солнце накрыло наши головы, а в лица ударил ветер, и я снова мог полноценно дышать.

Между входом в тоннель и подъездом в здании было углубление с пустым пространством. Туда нас и толкнули, припёрли к стенке. Я отчаянно глядел за спины головорезов, в надежде заметить случайного прохожего, какую-то помощь. Но мимо шла только женщина и, увидев нас, ускорила шаг и скрылась в тоннеле.

– Вы, чё, попутали, щеглы? – наехал на нас главный. – Нахуй вы натравили на нас мужика?

– Мы не травили, – голос у меня дрожал. – он же сам подошёл!

– Почему вы не послали его? Из-за вас он до нас доебался. А мы же просто хотели поздравить вас с праздником.

– Но он же сам подошёл.

– Ты не понял, уёбок. – он ткнул мне в лицо кулаком. – Я вас просто хотел по-доброму поздравить с праздником. А вы натравили на нас мужика. Выворачивайте карманы. За моральный ущерб.

Я в панике сунул руку в карман, сжал купюру, но что-то остановило меня. Душа сдавила все мышцы, пыталась вырваться наружу, будто ей было омерзительно жить в таком трусливом теле.

– Нет! – твёрдо сказал я.

Я даже не заметил удара. Почувствовал боль в лице и нагнулся. По теням на асфальте увидел, как быстро среагировал Раф и накиннулся на главного. Я выпрямился. На меня шли двое, побежал на них и пригнулся. Мне удалось прорваться. Я выбежал из круга. У меня была возможность запрыгнуть в тоннель и выскочить из двора. Я был готов бросить Рафа. Был готов. Но не мог. Развернулся и что есть силы закричал вверх, в балконы дома.

– Помогите!

Меня тут же схватили и бросили к стене, где уже били Рафа. Один скрутил ему руки сзади, а главный мутузил его по лицу. Я сразу нагнулся и закрыл голову руками. Они принялись пинать мои ноги. Я затрясся и подкосился, встал на одно колено. Меня подняли и ударили в солнечное сплетение. Я раскрыл рот, пытаюсь глотнуть воздуха, но не мог. Ублюдки увидели, что я задыхаюсь и в ужасе бросили меня. В глазах потемнело. Я пытался сделать вдох, но всё было тщетно. Я всё ещё слышал стоны Рафа, шлепки и глухие звуки ударов. Тут я поднял голову и увидел, что от него отступили. Нас пощадили, но я понимал, что это временно. Скоро гнев мог вернуться к подонкам, и они снова бы принялись нас лупить. Я смог сделать лёгкий вдох, но этого было достаточно, чтобы силы вернулись ко мне. Я взял Рафа за плечо, и мы побежали прочь. Выбегая из круга, я получил пинок под задницу. Мы забежали в тоннель, я слышал злое гоготание сзади. Мы вышли на пешеходную улицу и бежали, бежали.

Вскоре мы остановились в кустах возле маленького магазина.

– Ты как? – спросил я Рафа.

В ответ он оттолкнул меня и ударил в плечо. Я вскрикнул от боли. Он толкнул меня, и я повалился на траву.

– Никогда! – рычал он. – Никогда не проявляй слабость!

Я понял, что день уже подходит к концу. Солнце клонилось к горизонту. На улицы вышла молодёжь хорошенько повеселиться перед завтрашним первым учебным днём. Я позвонил Максиму и спросил, как он? И обрадовался, когда услышал его весёлый голос. Видимо он хорошо провёл время. Максим уже расстался с одноклассниками и шёл домой, я же предложил ему подойти к футбольным трибунам в парке Ленина. Он согласился.

В парке гулял и веселился народ. Дети бегали с мороженым между памятниками героям войны. Влюблённые парочки ласкались на лавках под горящими гирляндами. Родители, оставив детей на батутах и каруселях, гуляли на полянках между деревьев и наслаждались обществом друг друга.

Я купил две шаурмы в киоске, которому доверял ещё с детства, и пошёл к футбольным трибунам. На краю парка разместили спортивный комплекс: он преимущественно специализировался на теннисе, но помимо теннисных кортов, на улице был и бассейн, а в окнах здания я разглядел просторный тренажёрный зал. Сразу через пешеходную дорожку от него раскинулась площадь с развевающимся фла-

гом, а за ним и футбольное поле, огороженное высокими трибунами полукругом. На самом верху я увидел фигуру Максима и поднялся к нему. Трибуны были настолько высоки, что взору открывался вид на весь парк и на его густые заросли деревьев. Я дал брату шаурму, и этот неожиданный презент он воспринял с радостью. Я сел рядом и откусил кусок. Шаурма была такая же вкусная, как в детстве. Приятно, что некоторые вещи в городе не меняются. Мы молча ели и наблюдали за игрой. Ребята на поле воспринимали игру крайне серьёзно, потому выполняли жёсткие подкаты, из-за чего игроки из команды противника с глухим стуком падали, а девчонки на первых рядах кричали шакалам в поддержку. Девчонки любят агрессоров и сейчас я понимаю, почему.

– Как погуляли? – спросил я Максима.

Он рассказывал, как они с одноклассниками весь день бесцельно бродили по городу, веселились, придумывали какие-то безумные развлечения, чтобы как-то занять себя, и Максим сделал вывод: он рад, что учится в одном классе с этими ребятами – а я радовался за него.

– Один друг предложил мне работу. – сказал он.

– Правда? Это же круто.

– Да, после школы. Не знаю, соглашаться или нет.

– Братишка, – я положил руку ему на плечо. – Даже не раздумывай. Это твой шанс уже сейчас почувствовать себя взрослым. Заработать копеечку и сводить в кино девчонку. Перед тобой открываются большие перспективы. Не отказы-

вай себе в этом из-за надуманного страха.

– Что ж, – он задумался, – тогда я, пожалуй, соглашусь.

– Верное решение. А что за работа?

Глаза его нервно забегали.

– Пока не буду говорить. Не хочу сглазить.

Я откусил ещё кусок и прожевал его.

– Не упускай шанс, как однажды упустил его я.

– Какой шанс ты упустил?

Я засмотрелся на поле. Вратарь пропустил мяч, и товарищ из его команды в гневе набросился на него.

– Неважно. – прошептал я.

Мы пришли с Рафом на трибуны, на это же самое место. Один Бог знает, сколько мы сидели, но сидели в глубоком молчании, и оно съедало меня. Зазвонил мобильник, я был счастлив, что хотя бы рингтон нарушил тяжёлое молчание. Звонил Фима.

Чёрт! Я же совсем забыл.

– Алло, Витт, ты где? – слышалось на том конце трубки.

– Слушай, Фима, мне правда неудобно, но я забыл.

– В смысле? Дава, ты попутал? Марат задержался только из-за тебя. Мы тебя уже полчаса ждём.

– Фима, я всё понимаю, но случились такие обстоятельства, что...

– Да какие обстоятельства! Ты меня подвёл. Ты меня перед человеком подставил.

– Фима, я...

– Марат не любит безответственных. Я не смогу договориться по поводу тебя, больше он меня не слушает. Ты упустил свой шанс, Дав.

Послышались быстрые гудки. Он бросил трубку.

– Блять! – в сердцах закричал я.

Раф никак не отреагировал на услышанный разговор. Он был весь в своих думках.

– Поверить не могу, что нас отпиздили. – сказал он.

– Ты не можешь быть сильнее всех.

– А ты не можешь проявлять слабость.

Он повернулся ко мне и посмотрел в глаза.

– У нас высокие отношения, Дави. Ты учишь меня не быть тупым, а я учу тебя не быть девчонкой. И я делаю попытки исправиться, но ты!.. Ты никак не хочешь усваивать урок. Зачем ты полез в карман? Зачем показал себя жертвой?

– Я испугался.

Он сдвинул рукой моё плечо.

– Никогда! Сука, никогда не бойся! Это нас должны бояться. Это мы хищники! А они жертвы.

Он вернул взгляд к полю, долго следил за игрой, а потом глаза его расширились, тело дрогнуло, а плечи расправились. Он был похож на змею перед смертельным прыжком.

– А вот и жертва объявилась. – со злой улыбкой прорычал он.

Сначала я не понял, о чём он говорит, но потом всмотрелся в поле и увидел, как мяч гоняет тот самый главный из

компашки, что избили нас. Только на этот раз он был один, никого из той шайки я не заметил.

– Что ты хочешь сделать? – спросил я.

Я боялся, что Раф натворит глупостей.

– Будем, как хищники. – ответил он. – Выждать.

Игра продолжалась ещё долго, примерно час. Наконец, народ стал расходиться, игроки постепенно покидали поле и уходили вместе с болельщиками. Тот же тип играл до последнего. И, когда уже на поле остались единицы и сыграть серьёзную игру было невозможным, он попрощался с ребятами и пошёл вон из поля. Один! Совершенно один!

Раф резко встал с места и побежал по лестнице вниз, я – напрямик за ним.

– Что ты задумал? – повторял я по дороге, но Раф не отвечал.

Мы вышли на пешеходную дорожку, освещённую фонарями, и я посмотрел туда, куда глядел Раф. Тот тип сошёл с дороги и по тропинке пошёл в темноту, в гущу деревьев. Тропинка вела к дыре в заборе, выходящей на улицу Маркса. Он просто решил срезать путь.

– Он сам идёт в лапы к зверю. – сказал Раф и забежал в заросли.

Я последовал за ним.

Тёмный силуэт свободной походкой шёл в темноте. Он не заметил нас.

– Готов? – тихо спросил Раф.

Я знал, к чему я должен был подготовиться, хотел остановить Рафа, но боялся, что переросток нас заметит, и мы окажемся в невыгодном положении. Раф в пару тихих прыжков настигнул беспризорника и прыгнул на него, обхватив шею. Тот от неожиданности дал слабину, но вовремя спохватился и вмазал Рафу в бок локтем.

– Дави, помоги! – кричал Раф. – Мочи его!

Переросток сбросил Рафа и встал в боевую стойку. Посмотрев на них двоих, можно было решить, что исход в пользу громилы неизбежен: Раф был маленький и худой, но от того невероятно шустрый; он кружился вокруг переростка и короткими очередями наносил по два-три удара в бока, в ноги, в живот. У того уже закружилась голова и он всё чаще и чаще пропускал удары. Раф понял, что извёл противника, прыгнул и вмазал ему лбом в нос. Тот упал. Раф в ярости пинал его, и, кажется, хоть я не мог разглядеть этого в темноте, пинал его по лицу.

– Ты хотел нас поздравить? – кричал Раф. – Ну же! Поздравляй! Это я! Это я тебя поздравляю, сука!

Вглядевшись в темноту, я заметил, что переросток перестал сопротивляться и вообще двигаться. Я подбежал к Рафу и оттащил его от бедняги. Раф освободился от моих рук, плюнул в сторону переростка и молча двинулся по тропинке. Мы дошли до дыры в заборе и вышли на дорогу. Раф метался, не зная, куда деть энергию, а затем подошёл ко мне и ткнул в меня пальцем.

– Почему ты не бил его? Я мог не справиться с ним!

Меня возмутил его наезд.

– Нет, уж! Прости, Рафи, но лучше я буду побитым неудачником, чем буду творить беспредел. Хер его знает, может ты убил его!

– Беспредел! – рявкнул он. – Это то, что они сделали с нами.

Мы ещё долго метались вдоль дороги и спорили, но сейчас я уже слабо помню предмет наших споров. Все уже легли спать. За окном ночь играла в свете звёзд и уличных фонарей. Я настроил печатную машинку, смазал её, установил новую ленту и вставил чистый лист. Сначала слегка забил по клавишам проверить, не шумит ли она. Но, убедившись, что моя красавица никого не разбудит, забил пальцами по клавишам и напечатал на листе «Глава первая». Я откинулся на стуле и стал размышлять над первой строчкой, к каким всегда отношусь с самым большим трепетом. Да, режиссёром я так и не стал. И сценарии мои никто не поставил. Зато я стал писателем, способным прокормить себя на гонорары. И это, в какой-то степени, искусная неудача. Наверное, я полностью познал искусство быть неудачником.

Эпилог

Уже была поздняя ночь, когда Абдул отвёз последнего пассажира. Он протёр слипшиеся глаза и посмотрел на часы. Пора домой. В таком состоянии ездить по ночным дорогам небезопасно. Он уже собирался сдавать назад, как задняя дверь открылась, и в салон сел человек.

– В Шахты.

Шахты – дачный посёлок недалеко от города. И Абдулу не хотелось ехать с незнакомцем ночью в такую глухомань.

– Моя смена закончена. – сказал он.

– Плачу вдвойне.

Абдул посчитал пассажира крайне мутным типом и чувствовал беспокойство от того, что тот сидит в его машине. Но он подумал о хорошей прибыли и о детях: дорога до дачного посёлка Шахты и так стоила немало, а тут ещё и платят вдвое больше.

Машина тронулась.

Всю дорогу Абдул поглядывал на таинственного пассажира в зеркало заднего вида. С виду он походил на представителя уличной шпаны: кеды, чёрный спортивный костюм с белыми полосками по бокам, твёрдые, как дерево, мышцы под олимпийкой. Только, вот, его глаза не складывались с остальным образом: спокойный глубокий взгляд мыслителя, будто видящий тебя насквозь. Пассажир дёрнул ре-

мень поясной сумки и открыл её. Абдул напряг все мышцы, готовясь к нападению. Но из сумки пассажир достал всего лишь книжку карманного формата. Раскрыл и принялся читать. Уличные фонари хорошо освещали салон автомобиля, и Абдул разглядел непонятное слово на обложке – «Энеида». Данная картина сильно удивила таксиста.

– Любите читать? – спросил он.

Пассажир поднял глаза и хитро посмотрел на него.

– Да, имею за собой грешок.

Речь его полностью была лишена провинциального говора. Голос был настолько бархатным, а дикция – чёткой, как у прирождённого оратора.

– А я прошлой ночью подвозил одного писателя! – похвастался Абдул, он решил завязать с чудным пассажиром разговор.

– Да что вы?! – удивился тот. – И что же культурные люди забыли в наших краях?

– Кажется, он здесь вырос.

Пассажир закрыл книгу. В глазах его заиграло любопытство.

– Хм! Дайте угадаю. Шанхай? Московская, 15?

– А вы его знаете?! – удивился Абдул.

Пассажир улыбнулся и положил голову на окно. Он наблюдал, как движущаяся тень автомобиля пожирает свет на дороге. Он прошептал:

– С возвращением на родину, милый друг.